

Юлия Фирсанова

РЫЖЕЕ БРАТСТВО. ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ
РЫЖЕЕ БРАТСТВО. ВОЗВРАЩЕНИЕ
РАБОТА ДЛЯ РЫЖИХ

ДВЕРЬ ВНИТУДА

Цикл «Божий промысел по контракту»

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ ПО КОНТРАКТУ
ЧАС «Д»
ШЕСТЕРО ПРОТИВ ТЕМНОГО
ТРОЙНОЙ ПЕРЕПЛЕТ

Юлия Фирсанова

Дверь ВНИТУДА

Роман

Москва, 2014
The logo consists of a stylized 'E' symbol followed by the word 'ARMA DA' in a bold, sans-serif font.
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф62

Художник
С. А. Григорьев

Фирсанова Ю. А.

Ф62 Дверь ВНИТУДА: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 409 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1902-9

Уцелела после встречи с шаровой молнией? Чудо. Нашла в кладовке дру? Второе чудо. А в коридоре русалку? Уже чудесная закономерность. Мрачный язвительный мужчина в черном утверждает, что теперь так будет всегда, отныне ты — привратница портала, а он — твой куратор? Вот это похуже, но ничего, как-нибудь сработаемся. Ну а если этот тип с гостями драки затевает, вещи взглядом поджигает и сыплет оскорблениями да вдобавок оказался привязан к тебе странным ритуалом? Впору руки опустить, только некогда, потом разберемся! Сейчас главное — выжить в череде покушений и выяснить, кому могла не угодить молодая привратница. О любви думать некогда? Не беда, она просто случится.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Фирсанова Ю. А., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1902-9

Пролог
ЖИЗНЬ КУВЫРКОМ

Когда моя жизнь пошла кувырком? Наверное, мало кто из людей, на чьи головы обрушился шквал невзгод или перемен, что порой гораздо хуже банальных неприятностей, в силах назвать точное время. Я могу. Год, месяц, число, даже час, когда все изменилось окончательно и бесповоротно. Увы? Или к счастью? Тогда сложно было судить однозначно.

Этот май выдался не просто теплым. Сдается мне, он втихую поменялся погодой с июлем. Солнце жарило так, что плавился асфальт, гремели грозы, бушевала сирень, каштаны, черемуха, вишня и сливы, коврами раскатывались одуванчики вперемешку с мать-и-мачехой. Все краски весны хлынули через край практически одновременно.

Воздух пьянил ароматами цветов и грозовой свежестью. Я мчалась домой после работы, ловко перепрыгивая через раскинувшиеся с вольготностью разленившихся кошек лужи. Вода серебристо поблескивала в свете фонарей, приходилось отчаянно балансировать на каблуках. Одно почти балетное па следовало за другим, ибо сухих участков тротуара не было в принципе. А автобусная остановка хоть и находилась рядом с домом, но, чтобы добраться до родных дверей, семиэтажку требовалось обогнуть с торца и отсчитать три подъезда.

Впрочем, вспоминая зимнее художественное скольжение по дороге, раскатанной машинами соседей до состояния зеркала, и совсем нехудожественные падения с ненормативными комментариями, я готова была признать: лужи — это не самое худшее в ассортименте той, у которой все погоды хороши.

Очередное па балета «Вечер, улица, фонарь» завершилось тучей брызг, и я поняла: «Акела промахнулся!» То ли зрение подвело, то ли коварная жидкость замаскировалась в лучших традициях ниндзя, но я, будучи твердо уверена, что ступаю на

влажный асфальт, оказалась по шиколотку в длинной, холодной и, разумеется, мокрой (а где вы видели сухую?) луже. Брр! Кожаные уличные туфли, у которых я даже не успела оббить носы, упражняясь в фирменном спотыкании, моментально напились водицы. Теперь уже было все равно, как идти, и я стала двигаться по прямой.

Хорошо еще дома имелась считавшаяся доселе абсолютно ненужной штукovina — электрическая сушилка для обуви. Подружка-хохмачка подарила мне ее как-то на День святого Валентина. Глубокий смысл поступка от меня ускользнул, но я отыгралась, презентовав фигурные формочки для льда в виде сердечек.

Домой входила в предвкушении горячей ванны, чашки чая с ложкой коньяка и бутерброда с сыром. Да, знаю, говорят, хлеб на ночь вредно, но если кто попытается ляпнуть такое в моем присутствии, отвечу категорично: «Жить вообще вредно, от этого умирают!» Сладкое я никогда не любила, а все остальное ела в силу потребностей организма.

Мокрая одежда, от зонта до нижнего белья, отправилась сохнуть на вешалки в коридоре. Я накинула халат и, держа туфли на весу, прошлепала босиком на кухню. Именно там, в коробке под шкафом, среди массы вещей, которые выбросить жалко, а передарить стыдно, пылился ценный подарок. Шлепнув обувь на газетку, нашарила сушилку в ящике. Две части агрегата, до смешного похожие на фумигаторы, я запихала в туфли, размотала недлинный, но очень качественно скрученный провод и недолго думая ткнула вилку в розетку.

Не попала и замерла с приоткрытым ртом, как пугало на огороде. Из розетки выполз желтый, чуть потрескивающий шарик размером с апельсин. Он повисел у вмурованного в стену пластикового пяточка и ме-э-эдленно стал подниматься выше.

«Шаровая молния! Была гроза, у меня открыта форточка, она оттуда залетела!» — натываясь друга на друга, заметались броуновскими частицами мысли. Тело, памятуя уроки ОБЖ, застыло в неподвижности. Если не шевелиться, тогда незваная плазменная гостя может улететь не взорвавшись!

Молния поднялась выше, скользя вдоль моей вытянутой руки, туловища, зависла точно на уровне головы, перед глазами. Я даже не могла понять: исходит от шарика жар или, напротив, веет прохладой, как из приоткрытой двери морозилки. Сердце, как ни странно, стучало размеренно, даже вяло. На-

верное, я до сих пор не верила, что все происходит сейчас со мной наяву.

А потом желтый шарик метнулся вперед, будто мячик для пинг-понга, запущенный ракеткой, и стукнул меня по лбу. Легонько. После чего наступила темнота.

Проснулась я оттого, что лежать было жестко. Недоумевая, куда делся матрас с кровати и чего такое колет мне бок и руку, присела. Я умудрилась отрубиться на кухонном полу, в обнимку с мокрыми туфлями. Молнии не было и следа. То ли улете-ла, то ли спряталась так, что не отыщешь. Ну и ладно. Я потеряла лоб, тот не болел.

Чуть покачиваясь (тело затекло от неудобной позы и под-мерзло — холодный ламинат на кухне не лучшее ложе), я дви-нулась к коридорному зеркалу. Ни синяков, ни шрамов зигза-гами на лбу не было. Всклокоченные со сна волосы и взгляд с искрой сумасшедшинки был точно таким, как обычно. Даже многострадальная головушка не гудела и не кружилась, только где-то далеко позванивали колокольчики, как те самые ветря-ные из Китая, которым надлежало отгонять злых духов. Ча-сы-тарелка показывали три ночи. Зубы выбивали кастаньета-ми нечто задорно испанское.

Пришлось залезать в ванну погреться. Перебираться в по-стель прямо с пола показалось как-то негигиенично. Вода шу-мела, я тупо смотрела на струю, на пузырьки, пенящиеся в подставленных ладонях, и отмечала свой второй день рожде-ния. В конце концов, остаться целой и невредимой после ло-бового столкновения со сгустком плазмы — настоящая удача.

Тут жутко забурлил лишенный ужина желудок, и пришлось перебазироваться на кухню, по ходу дела внося существенные изменения в конгениальные планы на ма-а-ленький бутербро-дик с чашкой чая. Спустя несколько минут я сидела за столом с бадейкой жидкости, больше похожей на чифирь, куда влила аж три ложки коньяка, и кусочничала, поглощая все, что нашла в холодильнике: вареную колбасу, сыр, кусок пиццы, вчераш-нюю котлету.

Все-таки иной раз хорошо жить одной — никому твои ноч-ные посиделки не мешают. Нет, я вовсе не казанская сирота. Скорее напротив, семья у нас большая, хоть и рассеянная по необъятным просторам родины. Старший брат Стаська ухит-рился осесть на Дальнем Востоке, где, еще служа в армии, же-нился и к дембелю стал отцом очаровательных двойняшек. Се-стра Вика выбрала в супруги студента из Астрахани и отбыла на

малую историческую родину мужа. Сейчас у них подрастает дочка.

Я третий, поздний ребенок, из тех, про которых в анекдоте говорится: если собака стащила соску, то это проблемы ребенка. Так уж получилось, что за пару лет до окончания мною института родители-пенсионеры перебрались на ПМЖ в приморский городок Краснодарского края. Бабушка, у которой мы ежегодного поправляли здоровье, на девяносто восьмом году жизни решила, что ей пора на облака, и тихо уснула. Не бросать же двухэтажный каменный дом без присмотра? Мама живо сагитировала отца, и они отбыли, прихватив с собой и мамину сестрицу. Трешку родителей сдали в аренду, а в тетушкиной двухкомнатной квартирке я поселилась сама. Поначалу думала после института уехать к семье и морю, но подвернулась работа. А без стажа сейчас мало где берут.

Вот и осталась в городе, расположенном в средней полосе России. Вообще-то я даже люблю снег, и, когда знаешь, что в любой момент можно взять и уехать туда, где почти все время тепло, снежная зима не напрягает. А может, я в детстве настолько перекушала шумного родственного общества, что временное одиночество приносит удовлетворение? Тем паче изоляция относительная. Родственники звонят регулярно, да и друзья-подруги имеются. Но встречаться с ними я предпочитаю в кафешке или на иной нейтральной территории, в квартире же люблю тишину. Мой дом — моя крепость. Я снова укусила ломоть колбасы, блаженно зажмурилась и чуть не поперхнулась от усилившегося звона колокольчиков.

Глава 1

ГОСТЬ ИЗ НИОТКУДА

Звенело не в бедной моей головушке. Звук шел со стороны кладовой, рядом с кухней, где находились полки с утварью, неприкосновенный запас воды в канистрах на случай внезапного отключения и куча прочих условно нужных вещей, именуемых хламом. Тем самым, который хранишь всю жизнь и выбрасываешь как раз перед тем, как он понадобится. Со своим-то личным я поступала безжалостно, зато теткин уже проходил по классу винтажа, поэтому мне было откровенно жаль выкидывать занятные вещицы. Кладовок в ее двушке, что удивительно, было три, потому места под склад хватало.

Ветряные колокольцы я понатыркала у каждой двери просто потому, что нравился звук металлических трубочек, покачивающихся на сквозняках и поднимающих веселый перезвон, стоило слишком резко хлопнуть по ним дверью или распахнуть окно для проветривания.

Я насторожилась — не то чтоб всерьез, превалировало любопытство — и попыталась угадать причину звуков. Хлебнула еще разок чайку и с бутербродом наперевес вышла к кладовке. Дверь в нее была приоткрыта. Ага, створка задела колокольчики, отсюда и трезвон. Но так просто дверь не распахивается, если только на нее опять не упали злополучные швабра и ведро, живущие своей особой, неведомой хозяйке жизнью.

Я зажала бутерброд в зубах, щелкнула выключателем и распахнула дверь. Бутерброд шлепнулся под ноги вместе с отвисшей челюстью. В мою маленькую кладовочку как-то утрамбовался высоченный, на голову выше моих ста семидесяти сантиметров, мужик в черном кожаном прикиде, с лиловыми глазами, серой кожей лица и абсолютно белыми волосами, заплетенными в толстенную косу. Он застыл, как лемур от фотопышки. Слезы боли катились из миндалевидных очей.

— Блин, у меня в кладовке дрею!.. — пробормотала я, аккуратно закрыла дверь и выключила лампочку.

Кто такие дрею и с чем их едят, в разного рода фэнтезийных историях, которыми я обчитывалась с подросткового возраста, расписывалось несколько противоречиво, но насчет чувствительности органов зрения к свету большинство авторов скромно умалчивало. Похоже, зря. Потом я зачем-то подобрала бутерброд и, тихонько постучав по косяку, позвала бедолагу:

— Эй, очень больно?

Никто не ответил, но отчетливое ощущение присутствия постороннего не исчезло. Впрочем, бросаться на меня в расистском запале с колюще-режущими предметами наперевес тоже никто не рвался.

— Что ты делаешь в моей кладовке? — сделала я очередную попытку наладить контакт с незванным гостем.

Занятно, я его совершенно не боялась. Ощущение парадоксальной нереальности происходящего наполняло каждую клеточку тела веселым куражом. Спать резко расхотелось. Вот так-то! Сначала шаровые молнии по лбу стучат, потом девушке материальные галлюцинации в стиле фэнтези являются. Какой уж тут сон!

— Я изгнанник, — глухо ответили мне из-за двери.

— Это мало что объясняет, — рассудила я. — Почему тебя выгнали именно в мою кладовую?

— Не знаю, я бежал от загонщиков. Меня почти настигли, когда я увидел зачарованный проем и шагнул в него.

— Понятно, что ничего не понятно, — вздохнула я и предложила: — Переговариваться из-за двери неудобно, на свету тебя корежит, что же делать? Ага, подожди, я кое-что придумала.

Я открыла холодильник, бросила многострадальный бутерброд в пакет с кусочками всякого мясного для бродячей живности, которую подкармливала во дворе, и направилась во вторую кладовку. Практическая польза хлама показала себя во всей красе. Порывшись в ящике старого комода, отыскала солнечные очки, оставшиеся от третьего тетиного мужа, и вернулась туда, где сидел дрею. Предварительно добросовестно потушила свет в коридоре, оставив гореть лишь одну из трех лампочек в люстре на кухне, и велела:

— Зажмурься и стой тихо.

Работать пришлось почти на ощупь, но все-таки мне удалось с третьей попытки взгромоздить очки на нос мужчины. Попутно совершенно случайно коснулась волос. Они оказа-

лись жесткими, как лошадиная грива. А как красиво смотрелись! Мораль: не все золото, что блестит.

— Попробуй открыть глаза, — предложила я. — Смотреть можешь?

— Могу. Волшебные стекла помогли, да пребудет с тобой милость Ллос. — Дроу отсалютовал мне растопыренной пятерней в забавной кожаной перчатке без пальцев.

Зрелище было бы комичным, если бы не печать крайней усталости на лице, отчетливо просматривающаяся даже в искусственных сумерках. Бедолага, кажется, едва держался на ногах. Это сколько же он бегал, если информация о выносливости темных эльфов правдива?

— Пошли на кухню. — Я проводила гостя до дивана и велела садиться. Сама оккупировала стул.

Ноздри тонкого носа расширились, вбирая запахи съестного. К перечню вопросов добавился еще один: «Сколько он не ел?» Я подвинула к нему свою чашку и большое блюдо, куда покидала кусочки из холодильника для ночного праздника живота.

— Угощайся.

Мужчина не заставил себя упрашивать. То, с какой феноменальной быстротой и изяществом очистилась тарелка и опустела чашка, говорило само за себя. Аристократ, голодный аристократ. Я почесала шею и поставила в микроволновку спагетти с подливкой. Больше ничего готового дома не было. Миска с макаронами опустела столь же быстро. За стеклами очков взгляда было не разобрать, но, сдается мне, гость из кладовой не наелся. Налила ему еще чаю, открыла банки языка и ветчины в желе. С деликатесами дроу расправлялся уже медленнее. И слава богу! А то не представляю, чем его еще кормить! В заначке остались только шпроты, сардинка в масле, фасоль и зеленый горошек. Мы с друзьями как раз собирались завтра в оптовку пополнять припасы.

— Мыться будешь или сразу спать? — спросила я.

— Спать, — выбрал дроу.

Я даже не особо удивилась, грязным он не выглядел, и не потому, что грязи вокруг не было, он каким-то образом умудрялся не пачкаться. Заколдованный? Я задернула поплотнее шторы и опустила жалюзи, теперь утренний свет не долбанет жителя подземелий по маковке без предупреждения. Тетушка одно время держала цветы во всех комнатах и активно пользо-

валась притенением в жаркие денечки. Сейчас притенять я собралась беглеца-дроу, но не думаю, чтобы он был в обиде.

Оставив загадочного гостя устраиваться с пледом на диване, я доползла до своей комнаты и буквально отрубилась, стоило только голове почувствовать подушку. Сказки сказками, а отдых телу, измученному работой, молниями и гостями из кладовок, прежде всего! Почему-то я была совершенно спокойна насчет того, что чужой мужчина не перережет мне во сне горло во имя паучьей богини.

Проснулась уже утром, судя по долетавшему из окна шуму транспорта, поздним утром, но не оттого, что совершенно выспалась. Отчетливо чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

«А я ведь ему вчера не сказала, где туалет, — закралась неловкая мысль. — Поутру бедняге приспичило, а как справиться с проблемой, не знает».

— Привет. — Я села в кровати и постаралась улыбнуться максимально дружелюбно. — Кстати, мы вчера так и не познакомились толком, я — Геля.

— Не понимаю. — Сидящий на корточках у стены мужчина устало потер виски. В рассеянном свете, проникающем сквозь опущенные жалюзи, его лицо с темными очками на носу выглядело довольно забавно.

— В жизни всегда должно быть место тайне, — согласилась я, зевнула, прикрывая рот ладонью, и, поборов легкое смущение, первым делом прояснила главный вопрос: — Туалет за первой белой дверью в коридоре. Или ты еще что-то спросить хотел?

— Я не понимаю, — повторил дроу, как-то очень нервно дернувшись при словах о туалете.

Чего он, болезный, у них не принято об этом открыто сообщать? Извиняйте, не подумала со сна. И вообще, со стукнутой какой спрос?

— Пленник ли я или смерти моей ты желаешь? Но не было отравы в пище и питье, и в ночи никто не пришел с острой сталью... — продолжил перечисление загадок гость из кладовки.

— Чего? Какой пленник? Какое убийство? — Я так возмутилась, что даже окончательно проснулась. — Ну, знаешь ли, белобрысый, это уже слишком! Я ему дядины очки, свой ужин, свой чай с коньяком отдала, только пару глотков отхлебнуть и успела, шторы закрыла...

— Я разделил твой хлеб? — Теперь в голосе перебившего дроу слышалось еще большее недоумение. — Но если ты на

службу изгнанника принять пожелала, не убоявшись мести Ллос и родов, то почему обряда не завершила?

— Какой обряд, какая служба...

Настала моя очередь тереть виски и нервно чесать шею. Этот серокожий изгой меня совершенно запутал и, похоже, попутно запутался сам. Не зря у дроу паучья религия, такие силки из слов заделал, оба завязли.

— Сдается мне, парень, мы, словно Восток с Западом, в абсолютных непонятках относительно друг друга, потому как воспитание у нас разное. Давай я расскажу, что, по-моему, случилось. А ты озвучь свою точку зрения. Только вот есть ли смысл трепаться, если ты словам не веришь?

— Говори, ложь я почувствую, — согласился изгой, то ли приказывая, то ли прося. Он так искусно поддержал баланс между двумя противоположностями, что, какая именно имелась в виду, определить было затруднительно.

И я коротенько поведала незваному гостю о вчерашних злоключениях, начавшихся с удара молнией в лоб и закончившихся утренними разборками с иномирянином. О том, что у нас дроу не водятся, я поведала особо.

— Ты приняла изгнанника в дом только потому, что он вошел в дверь твою, и никаких обязательств не налагаешь... — почти шокированно констатировал темный эльф.

— Ну да, — согласилась я и улыбнулась безымянному гостю, взбивая кулаком подушку. Все-таки живой кусочек сказки в квартире, прямой доставкой в кладовую — это супер! — Кстати, а за что тебя выгнали?

— Отказался выйти на ритуальный поединок во славу Ллос с побратимом, — глухо ответил мужчина и неловким движением поправил очки.

— А он?

— Он вышел и участвовал в погоне за отверженным, — мертвым голосом ответил дроу, по-прежнему сидя на корточках у стены в самом темном из углов. Удобно ему, что ли, там больше, чем в кресле? — Я больше не Нейр из дома Дераан нок Ллорг. Только Нейр.

— Мне жаль, Нейр, — посочувствовала я. — Но ты жив, а значит, не все потеряно.

— Я не знаю твоего мира, тут светит слишком яркое солнце. Скажи, Геля, найдется ли здесь работа для клинков изгоя?

Звонок — птичья трель — от дверей прозвучал столь неожиданно, что рука резко дернулась и ногти поцарапали шею.

Шипя от боли, я недоумевала, кого принесла нелегкая. Жаворонков среди моих друзей не водилось, а родная семья аритмиков, способных как бдеть до утра, так и вскакивать до зорьки, находилась на отдалении достаточном, чтобы не устраивать ранних побудок личным визитом во плоти.

— Кто-то пришел. С разговором придется подождать, — проинформировала я гостя, вылезая из кровати и нашаривая халат. Не открыть нельзя. Вдруг там соседи, у которых что-то протекло или кто-то умер. Тогда попробуй не открой, решат, будто сама я тапки отбросила.

Перед дверью я остановилась и спросила:

— Кто там?

— Панина Гелена Юрьевна? — осведомился в ответ незнакомый мужчина.

Голос был бодрый, для субботнего утра отвратительно бодрый, но проскальзывали в нем какие-то подергивающиеся, как в эквалайзере, нотки. Кажется, тот, кто за дверью, несколько нервничал.

Я скосила глаза на дроу, с едва слышным шелестом аккуратно извлекшего из-за спины пару черных сабель, и подумала, что причина для подергиваний у невидимого собеседника имеется. Целых две. На меня этот колоритный тип нападать не собирался, во всяком случае, пока мы с ним не закончили терки по поводу службы. А вот на тех, кто за дверью, — не поручусь.

— Да, что вы хотели? — уточнила я, одновременно прижимающая и открывая дверь так осторожно, чтобы щелчок замка был почти не слышен. Теперь можно было воспользоваться глазком на второй, железной двери и опознать утреннего гостя.

На лестничной клетке стояли двое. Одна — тощенькая, с прической а-ля щипаная ворона женщина неопределенного возраста и комплекции «зависть дистрофика», которую только подчеркивало черное облегающее платье, расшитое бисером. Другим был крепенький, как гриб-боровик, мужик лет пятидесяти навскидку, с щеточкой моржовых усов над губами и седым ежиком волос. Боровичок был облачен во вполне приличный однобортный костюм цвета мокрого асфальта.

— Побеседовать, Гелена Юрьевна. Мы располагаем весьма полезной для вас информацией.

— Я ничего не покупаю у распространителей, — на всякий случай предупредила я.

— А шаровые молнии к вам не залетали? — вкрадчиво поинтересовался собеседник, и этот «пароль» сделал свое дело.

Я щелкнула замком и сняла цепочку, приглашая пару странно осведомленных людей войти. Отпирала медленно, давая возможность первому гостю убраться в комнату, если он не хочет сталкиваться с кем-то чужим. Зря старалась, серокожий не двинулся с места и сабли не убрал.

Вошедший мужчина сверкнул серыми внимательными глазами сквозь стекла стильных очков на затянутого в кожу, вооруженного и вообще очень опасного дроу, вздохнул и признал:

— Кажется, твое предвидение немного запоздало, Настенька. Привратница уже распахнула дверь.

— Это вы так прозрачно намекаете на то, что уже уходите? — съехидничала я.

— Мне их убить? — равнодушно уточнил дроу, как если бы спрашивал, с белым или черным хлебом я буду бутерброды.

— Нет, — сразу отказалась я от великодушного предложения и, чувствуя, что моя маленькая тихая квартирка медленно, но верно начинает превращаться в филиал цыганского табора, предложила гостям: — Тапки на полочке. Проходите на кухню. А я пойду чайник поставлю. Заваркой обеспечу и вареньем абрикосовым, а все остальное вчера съел дроу.

Глава 2 ИСТИНА ГДЕ-ТО РЯДОМ

— Ничего-ничего, мы кое-что прихватили, — ухмыльнулся мужик, жестом фокусника извлекая из-за спины раздувшийся пакет с эмблемой супермаркета. Оттуда гордо выпирал вверх багет, по одну сторону его, гораздо ниже, круглился кончик палки копченой колбасы, по вторую — ее сестра из рода вареных. Занятое зрелище.

— Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, а коль с собой еду несет, наплюй на Камасутру, — сымпровизировала я, многозначительным кивком указывая на двусмысленную композицию, торчащую из пакета.

Боровичок коротко хохотнул, оценив шутку, женщина, именованная Настей, слегка покраснела, ничего не поняв один дроу. Но специально для иностранного гостя я позвала:

— Пойдем завтракать. Гости угощают хозяев.

Равнодушное лицо не торопящегося вкладывать мечи в ножны серокожего постояльца заставило тощую Настю из

красненькой стать белой в розовую пятнышку и задрожать осиновым листиком на ветерке.

— Кажется, ваш гость, Геленочка, считает нас опасными, — хмыкнул мужичок, успокоительно похлопывая свою спутницу по руке. Делал он это как нечто привычное, поднадоевшее, но воспринимавшееся как неизбежное зло. Причем моржеусый не боялся, посматривал на дреу с любопытством и, что странно, даже без тени удивления.

— Не себя? Вас? Чего-то он напутал спросонья, — фыркнула я.

— И чумная крыса может впитаться в руку, — проронил Нейр. Похоже, нам только что рассказали пословицу.

— Уверю, не в наших интересах причинять какие-либо неудобства, неприятности или тем паче вред хозяйке дома, — сделал заявление в качестве перестраховки мужичок.

Дреу постоял, зеркальные очки делали его еще более инфернально эффектным, и все-таки едва заметно наклонил голову, пряча клинки. Словом, дал понять, что до некоторой степени верит.

— Пошли на кухню. Хочется услышать, откуда вы знаете про молнию, а еще более любопытно, каким образом мой серокожий гость связан со всем этим безобразием. Кстати, как меня зовут, вы знаете, а ваших имен я не слышала.

В пакете Николая Степановича, можно просто Степаныча, как представился мужчина, нашлось достаточно снеди, чтобы обеспечить завтраком оставшуюся почти без ужина меня, вновь проголодавшегося дреу и самого господина Кольцова со спутницей. Анастасия Степановна, проще тетя Настя, тоже Кольцова, оказалась не женой боровичка, а сестрой. Степаныч задумчиво взвесил все «за» и «против» и принялся резать правду-матку в присутствии иномирянина-дреу. К тому же отправить его посидеть в соседней комнате, пока мы харчи со стола метем, я бы повода не нашла.

— Видите ли, Геленочка, простите, что без отчества, но, полагаю, разница в возрасте позволит мне звать вас по имени... — начал усач, сделал маленькую паузу, дождался, пока я кивну, зажевывая фамильярное предложение копченой колбаской, и продолжил: — Настенька — потомственная провидица особого толка. Ее видение показало, что вам после, хех, столкновения с небесной благодатью суждено обрести дар привратницы. Редкостный в своем роде. Не так много людей на Земле обладает таким талантом.

— Столкновение с благодатью? Это вы о том, что меня молния по лбу долбанула? — перевела я.

— Совершенно верно, — шумно хлопнул чаем Степаныч, его сестрица скромно пригубила чаек из кружки с рыжим котенком и потянулась за бутербродом с сыром.

— И что делает привратница? Судя по всему, открывает какие-то некондиционные двери куда-нибудь ВНИТУДА?

— Именно! — радостно воскликнул господин Кольцов, одобряя то ли мою сообразительность, то ли сам факт существования редкой зверюшки из неведомого класса «привратников».

— Когда у меня в кладовке появился гость, — я многозначительно ткнула пальцем в изысканно метущего снедь со стола дроу (тот, как показывала практика, предпочитал наблюдать и слушать, а не трепать языком), — я и близко ни к одной не подходила.

— Это не имеет значения, Геленочка. Ваше... э-э-э... биополе взаимодействует с энергетической структурой места, которое вы считаете домом, и создаются врата между мирами, пропуская гостей. Дверь, как предмет материальный, для этого не обязательна.

Пророчица специфической ориентации затрясла сосульками грязноватых, пего-рыжих волос, подтверждая слова брата.

— Вы намекаете, что теперь у меня вместо квартиры будет проходной двор, через который начнут шастать все кому не лень? — недопоняла я шутики юмора. Забавный фантастический эпизод грозил обернуться большой полярной лисичкой.

Я и этого-то очаровательно-депрессивного дроу не знала, куда девать. Если только в стрип-клуб в аренду сдавать? Только не уверена, что толк будет. Темные эльфы, похоже, гордый народ. С другой стороны, я не настолько много зарабатываю, чтобы такого мужчину для эстетического удовольствия держать. Не прокормлю.

Вот странно, на кухне торчит дроу, провидица и усатый мужик, сообщающий о том, что вся жизнь, начиная со вчерашнего вечера, у меня превращается в сказку с присказкой «чем дальше, тем страшнее», а я не психую, не пугаюсь, не истерю, даже маме звонить не бросилась. Хотя с мамой это я лишку дала. Проблемы всегда предпочитала сама решать, в крайнем случае, Стаську спрашивала. Брательник у меня самый лучший из мужчин, эх, не был бы он моим братом, за такого бы сама замуж пошла. Шутка.

Ответа по поводу проходного двора я не услышала, слова Степаныча перебило чирикание звонка. Сезон открытых дверей продолжался! Даже хорошенько подумать над тем, «кто стучится в дверь моя», не успела. Настойчивая трель повторилась.

— Иду, спешу и падаю, роняя тапки, — пробормотала я, выдвигаясь на передовую.

Неправильная получилась суббота. В выходной надо отдыхать, а не встречать спозаранку незваных, неожиданных и совсем незнакомых гостей.

Дроу прервал завтрак и тенью заскользил следом, то ли прикрывая тылы из чувства признательности, то ли считая, что без меня его шансы на выживание в чужом солнечном мире значительно снижаются. Одним гостем в дурдоме больше, одним меньше. Я даже не стала спрашивать, кто приперся и трезвонит, распахнула дверь и в легкой оторопи уставилась на очередной кадр.

На площадке находился мужчина, высокий, на голову выше меня, точно. Почти такой же худощавый, как дроу. Белый, в том плане, что не серокожий, не негр и не китаец. Черноволосый, тонкогубый, со здоровенным носом, больше похожим на клюв, щеками впалыми, как у посидевшего на диете Джулиана Белза. Совсем не красавец, не молодой, явно за сорок. Не сказать, что битый жизнью, скорее откованный, как клинок на наковальне, когда все лишнее кузнец молотом отбивает, придавая заготовке форму. (На прошлой неделе документальный фильм смотрела, вот картинка и запала.) Черные ботинки блестели, словно зеркала, на черных джинсах не было ни одной капельки грязи. Он машину вплотную к подъезду ухитрился подогнуть или умеет летать? Черный плащ на дяденьке сидел весьма уместно. Мало кто из мужчин умеет носить длинный плащ красиво, этот умел.

Пронзительный черный взгляд впился в меня, обмерил, мазнул по дроу. Ноздри раздулись, в глазах проблеснула зловещая молния. Впрочем, руки в черных перчатках (и не жарко человеку по весне эдак щеголять?) остались спокойными и, самое главное, пустыми. Никаких фонариков со вспышкой, полагающихся товарищам в черном для отнятия памяти, в пальцах не имелось.

— Вы к кому? — уточнила я с легкой опаской.

Этот высокий тип выглядел весьма зловеще, не в пример безобидному Степанычу и придурковатой Настасье. Как по

мне, так дроу со своим арсеналом выглядел менее опасно, чем это тип на площадке. Ой, а если он тоже не местный, а из очередной открытой куда-нибудь ВНИГУДА двери?

— Гелена? — уточнил наполовину скорбно, наполовину брезгливо черный тип.

— Да. А вы кто?

— Позже, — отрезал тип в плаще и, отодвинув меня, как грузчик тумбочку, прошествовал к кухне, не разуваясь. Однако грязных следов от него не оставалось.

— Позже? Приятно познакомиться, очень оригинальное имя, — оценила я и, скорее заинтересованная, чем оскорбленная поведением мэна в темных, не по сезону, одеждах, потянулась следом вместе с хвостиком — дроу.

Монументально воздвигнувшись на пороге кухни, новый гость скомандовал с непререкаемой властью:

— Господин Кольцов, пойдите вон! Анастасия Степановна, сообразовите покинуть помещение, где ваше присутствие нежелательно.

Степаныч побагровел, секунду поиграл в гляделки с командиром, побледнел и вымелся из-за стола, оставляя недопитый чай и недоеденный бутерброд. Его сестра снова пошла разноцветными пятнышками и, пробормотав что-то вроде извинения-оправдания: «Я что, я ничего такого, Никола только посмотреть просил», припустила за братом.

Нейра тип в черном за порог не выгнал.

— Значит, первая дверь отворилась. Когда пришел гость? — уточнил господин «Позже».

— Вчера... э-э-э... сегодня ночью, около трех, — прикинула я время X. — А что?

Черный плащ искал что-то взглядом, подобрал с телевизора программу телепередач и сунул под нос дроу:

— Можешь прочесть?

— Мне незнаком алфавит, — настороженно ответил темный эльф, и я только тут задалась вопросом: а как же мы вообще разговариваем?

Додумать черный не дал.

— Хорошо. Ты из тех, кому следует уходить. Гелена, отправьте дроу навстречу его судьбе.

— Как? — Я решила брать пример с незнакомца. Раз он со мной рублеными фразами объясняется, чем я хуже?

— Отворите дверь, — дал исчерпывающую инструкцию собеседник, присаживаясь на стул, — и продолжим разговор.

— Вы хотите, чтобы я его назад отправила? Не буду, его же там убьют! — отрезала я, вздергивая подбородок. Может сколько угодно меня пронзать черным взглядом, запугать настолько, чтобы я живого человека на смерть отправила, не сумеет.

— Двери меняют судьбу, привратница, — процедил этот хам таким высокомерно-брюзгливым тоном, будто обнаружил, что я, прожив более четверти века, не знаю таблицу умножения на два. — Дроу не останется на Земле. Вы должны открыть ему новую дверь, не к прошлым неприятностям, а к будущему. Ясно?

— Нет, — честно ответила я.

— Просто откройте любую дверь, думая о том, куда должен уйти гость, — надменно снизошел до объяснений черноплащик, полуприкрыв, будто от усталости, глаза.

Хотелось огрызнуться и нахамить, но я посмотрела на высокого мужчину с белыми волосами и серой кожей. Он действительно был так неуместен на кухне, что, если существовал шанс отыскать для него подходящее место, пусть даже руководствуясь нелепым советом противного типа, его следовало использовать. Старательно придерживаясь именно этой мысли, я подошла к притворенной двери в кладовку и резко рванула на себя. Рука, рефлекторно потянувшаяся к выключателю, зависла в воздухе.

Кладовки с кучей нужных и еще большей грудой бесполезных вещей за дверью не наблюдалось, зато открывался чудесный вид на огромный город, раскинувшийся под сводом гигантской пещеры. Сверху лился рассеянный золотистый свет. Башни, спиральные лестницы, висячие мостики, сделанные столь искусно, что казались невесомыми, диковинные растения, похожие на гигантские цветы, нежели на деревья, оплетали строения, а в центре города высилось самое внушительное из сооружений в виде каменного золотого бутона. По мосткам, лесенкам, среди растительности двигались маленькие фигурки беловолосых аборигенов с серой кожей. Соплеменников моего гостя. Сам дроу, неслышно подошедший сзади, прошептал, веря и не веря глазам своим:

— Город из легенд. Лиот!

— А? — рассеянно уточнила я.

— Апокрифы Ллос говорят о том, что супруг богини не был пожран после акта творения мира, когда из крови его пошел род мужчин-дроу, а женщины вышли из чрева самой Ллос. Запрещенный апокриф гласит, что Лиот удалился в иной край,

где в золотом городе правит теми из дреу, кто ушел с ним, оставив Ллос в серебряной паутине великих пещер. Символ Лиота — бутон на высоком стебле. Он пьет лишь сок растений, а не плоть, подобно Ллос.

— Значит, это город Лиот? — прошептала я, любуясь величественной картиной в стиле фэнтези.

— Да. Благодарю тебя, привратница. Это единственное из мест, где мне когда-либо хотелось оказаться. — Дреу слегка склонил голову, что-то вложил мне в руку и шагнул за дверь.

Я почему-то потянулась за ним, то ли заглядевшись, то ли замороженная тихой музыкой, доносящейся из загадочного пещерного города.

— Куда?! — Грубый окрик сопровождался рывком за воротник халата.

Меня от порога дернули в коридор и захлопнули дверь, отрезая от золотистого чуда.

— Больно же! — Из пережатого горла вырвался возмущенный хрип.

— Сунься ты на порог, — было бы еще больнее, — буркнул мрачный гость. Единственный оставшийся в квартире.

— Почему?

— Привратник не может пройти в отворенную дверь — таков закон, — опять очень «понятно» объяснил сердитый человек.

— Ничего не понимаю, — с интонацией Колобка из мультфильма призналась я, потирая шею и все еще хмурясь.

Господин «Позже» беспардонно развернул меня к себе, задрал голову и, быстро обследовав шею, резюмировал, снова переходя на «вы»:

— Прекратите притворяться, Гелена, синяков не будет.

— Мне все равно больно, — недовольно сообщила я.

— Пройдет. Садитесь, есть разговор, — скомандовал этот маньяк-душитель и вернулся на кухню. Сел, дождался, чтобы жертва обосновалась на уголке дивана, заговорил: — Я работаю на негосударственную организацию «Перекресток». Куррирую направление произвольных перемещений на Землю из иных миров. Вчера вы обрели статус привратницы, посему попали в область интересов «Перекрестка» и под мое начало соответственно.

— Моя трудовая книжка лежит совсем в другом месте, там же соответственно, — я намеренно передразнила господина «Позже», — я получаю зарплату и подчиняться вам не собираюсь.

— Господин Кольцов — торгаш, он не защитит вас, Гелена, случись что, — зловеще намекнул тип в черном.

— Вы мне угрожаете? — Спрашивать-то я спрашивала, но начать бояться все равно не могла. Говорю же, тот шарик в лобешник отбил мне что-то важное, к примеру боялку стандартной конфигурации.

— Предостерегаю, — устало потер висок мужчина; кажется, я раздражала его как шансон в маршрутке — и выключить нельзя, и ехать надо.

— И кто же мне угрожает? Кроме вас, меня никто пока и пальцем не тронул, — съязвила я.

— Пока, — вычленив одно слово, мячиком перекинул его назад собеседник. — В ваших интересах воспользоваться защитой «Перекрестка».

— Я все равно не понимаю, на кой ляд меня крышевать, впрочем, я со вчерашнего вечера вообще утратила прочную связь с реальностью. Сажу на кухне с ненормальным, который ни перчатки, ни плащ в помещении не снимает, чуть ли не пинками из квартиры других незнакомых людей выгоняет, да вдобавок едва не удушил меня моим же халатом, и слушаю всякий бред, — обстоятельно перечислила я и встала налить чаю покрепче. Спиртное в таких условиях было не лучшим вариантом. А еще мне почему-то казалось, что этот вредный тип даже пригубить алкоголя не даст, не то что рюмочку для прояснения в мозгах опрокинуть.

— По-видимому, господин Кольцов не успел или не пожелал вам объяснить некоторые очевидные ключевые моменты, — процедил тип, скрещивая руки на груди, как памятник гордости. — Вне зависимости от вашего желания или нежелания дверь будет открываться, пропуская гостей из других миров на Землю, в то место, которое вы считаете своим домом. Кто именно войдет в дверь и с какими намерениями — точно неизвестно даже пророчице.

— И какова смертность среди привратников в таких условиях? — поинтересовалась я, крутя в пальцах чашку. Слишком горячий получился чай, многовато плеснула кипятка. Разбавить бы холодной водой, да через край польется. Вот и ждала, украдкой дуя на напиток.

— Она достаточно высока, особенно среди тех, кто отказался от помощи «Перекрестка», — ободрил черный и в ответ на скорченную мною недоверчивую мину сухо добавил: — Я не запугиваю, лишь констатирую факт.

— Господин Кольцов... кстати, нельзя ли объяснить, кто он такой и чего хотел от меня?.. вообще ничего не успел сказать. Вы его раньше выставили. Так что теперь *все* объяснять именно вам. И вообще, пора бы уже представиться. «Позже» — не слишком красивое имя, а «человек в черном» уже занято, Голливуд засудит, — отставляя пока чашку, предложила я. Информация, если хоть немного верить незваному гостю, была нужна, так что приходилось терпеть его презрительную надменность.

Высокомерный брюнет снова смерил меня взглядом «Гелена Панина — равно или меньше «грязь под ногтями» и расщедрился на относительно подробный рассказ. Наверное, это все-таки входило в его служебные обязанности, и за недоразумение с едва появившейся и тут же окочурившейся по недосмотру привратницей сотрудника «Перекрестка» могли наказать — премии там квартальной лишить или еще чего.

Вот что выходило. Время от времени на Землю открываются двери, иначе именуемые, как ясно любому любителю компьютерных игр или книжек фэнтези, порталами, через которые проходит кто-то из иных миров. Никакой общей закономерности: откуда, кто (пол, раса, возраст) и зачем — выявить не удалось. За исключением, пожалуй, одной. Переходящий непременно должен находиться в стрессовой ситуации. А уж какой она будет: смертельная опасность или безумная радость — особого значения для перехода не имело. Порталы сами по себе тоже не распахивались. Каким-то образом сам факт их возникновения оказался завязан на отдельных людях, наделенных или проклятых (каждый выбирает нужный эпитет) даром. Чаще всего тот, кто пришел, проводил на Земле несколько часов, максимум трое суток, и потом для него открывался обратный переход. Процесс опять-таки осуществлялся с помощью того, кто распахивал первую дверь. Причем гостя из другого мира мог видеть и слышать только привратник и находящиеся в непосредственной близости от него люди. Стоило «туристу» выйти за пределы действия встречающего (радиус варьировался от пары до полутора десятков метров), как он мог воздействовать на окружающий его мир меньше, чем привидение. Тех хотя бы видели медиумы. Очень-очень редко, буквально один на тысячу, случалось, что гость приходил, чтобы остаться. Определялся такой индивидуум просто: он оставался видим и слышим, удалившись от привратника. Кроме того, потенциальный переселенец понимал не только устную речь окружающих, как всякий прошедший порталом, но и письменную так, как если бы писалось на

его родном языке. Разумеется, если был грамотен. Именно так мой куратор, кстати, протестировал дроу.

И о кураторе. Звали человека в черном Сергей Денисович, фамилией не поделился. Явился он в мой дом по наводке провидицы Анастасии, работавшей на «Перекресток» и поставлявшей информацию на регулярной основе за зарплату. И вовсе не ждал застать тут ее саму и ее ушлого братца в придачу. Свойский Степаныч оказался банальным барыгой, внахалку выжимавшим из сестренки секретную информацию. Он подкатывал к привратникам с предложением о скупке иномирных редкостей, обещая весьма щедрое вознаграждение. Разумеется, как утверждал рассказчик, бесовестно жульничал. С другой стороны, «Перекресток» тоже за редкости никогда особенно не переплачивал, скупая за номинал, определяемый оценщиками организации. И оклада привратникам, в отличие от пророчицы, не полагалось. Никакого, потому что бросить свою работу они не могли, как не могли перестать дышать. Зато, как просветил меня Сергей Денисович, за регулярные отчеты и готовность к сотрудничеству полагалась защита от непредвиденных обстоятельств, включавших в себя буйных гостей. Мне был выдан пластиковый прямоугольник с номером «службы спасения» и рекомендация забить номер в телефон на экстренный набор одной клавишей. И браслет-спасатель, дублирующий кнопку экстренной помощи мобильного. Ее нажатие обеспечивало срочный вызов спецбригады. Также со мной поделились визиткой с электронным адресом и коротко поведали о пунктах отчета. Попутно драгоценный куратор выразил серьезные сомнения в готовности моего сознания к восприятию ценной информации, однако записывать все равно ничего не стал. Сволочь!

Привратников было мало, чуть больше двух десятков, в последнюю четверть века о них становилось известно благодаря занятому дарованию Анастасии, почти неспособной к самому хилому предвидению земных происшествий и проявлявшей чудеса волшебного зрения в вопросах, пересекающихся с иномирными феноменами. Как Кольцов успел так шустро явиться ко мне? А привратники располагались в четко определенных точках Земли. Уходил один (люди смертны, и смертны внезапно, особо привратники), его место в течение нескольких суток занимал другой. «Склонность» к экзотической профессии возникала обычно на фоне сильнейшего эмоционального или физического стресса. (Меня приложило молнией.) Вот ушлый торгош и караулил рыбку вместе с сестрицей.

Ту специально командировали в место X — чем ближе к объекту, тем сильнее у Анастасии бывал всплеск предвидения.

Почему же о таких занятных людях и их фантастических гостях до сих пор не снимают кино, не трезвонят во всех средствах массовой информации? А потому что никому, кто не связан с вратами-порталами прямо или косвенно, привратник не мог сказать ни слова. Нет, сказать, конечно, мог, хоть круглые сутки трепись, из кожи вон лезь, только вся информация пройдет мимо ушей и глаз собеседника. Такая вот загогулина! У ученых «Перекрестка» бытовала версия, что таким образом мир защищал самое себя от угрозы извне и хаоса.

И вероятно, по тем же самым причинам встречаться привратникам между собой было нежелательно. «Перекресток» не запрещал, вот только со снявшимся с места, где открываются двери, привратником всегда происходило нечто заставляющее его вернуться на ПМЖ и к работе или огрести по полной программе.

В итоге, по словам Сергея Денисовича, выходило, что на меня не шаровая молния свалилась, а куча разносортных неурядиц вместо тихой и спокойной жизни. И избежать их просто невозможно, потому как порталы сюда будут открываться вне зависимости от моего сознательного желания, а вот для отправки гостя придется немного потрудиться. Ему вполне может не понравиться предлагаемый путь, сама рожа привратника или еще чего. Закончив инструктаж, куратор, так и не снявший ни плаща, ни перчаток, предупредил:

— Осторожнее с оружием дроу.

— Каким оружием? — рассеянно удивилась я, голова пухла от свалившейся информации.

Ладонь в перчатке указала на мою правую руку.

Я машинально перевела взгляд, поднимая пальцы к глазам. Широкий рукав съехал к локтю. Вдоль предплечья, без всяких ремешков или застежек, вплотную прилегая к коже, устроился черный обоюдоострый штырек, похожий на миниатюрный стилет. При повороте руки мне показалось, что темный металл еще и отливает чем-то лиловым, нанесенным на него. Смазка?

— Увы, подарок дроу нельзя выбросить или передарить. Он всегда будет с вами, Гелена. Яд на лезвии смертелен для людей и большинства созданий иных рас, достаточно одного укола заррой, потому будьте осмотрительны.

— Так я же сама порежусь, и капец котенку.

— Владеющему зарра не навредит, — опять тоном профессора МГУ, объясняющего первоклашке действие сложения,

выдал информацию Сергей Денисович. — Ее продать и забрать от владельца невозможно, но какие-то другие вещи, оставшиеся от гостей, если в них не будут заинтересованы ученые «Перекрестка», вполне. Можете передавать их мне или, — брезгливое выражение снова нарисовалось на физиономии гостя, — если решитесь вести дела с господином Кольцовым, требуйте втрое больше его цены.

— Какой Кольцов? Вы же его выгнали взащей, — малость подзапуталась я.

— Посмотрите под тарелками, наверняка оставил визитку, — процедил совет куратор.

Он явно не одобрял Степаныча, но, с другой стороны, похоже, старый жучара был своим проверенным и привычным злом. И, имея с ним дело, привратник рисковал только пролететь на бабки, а не оказаться в большой Ж, пытаясь сплавить нечто ценное в обыкновенный ломбард. Кстати, никогда не имела дел с ломбардами и даже не знаю, как туда обращаться. Я бы, честно сказать, всякие штуковины из других миров как сувениры оставлять стала и ни куратору, ни Кольцову не отдавала. Меня опять озадачило собственное состояние: перегруз данными был, а вот сопутствующего психологического шока, который просто обязан возникнуть при таких фантастических вестях, — нет.

Решив, что хуже, чем есть, мнение куратора обо мне не станет — плинтус и так крайняя метка, — я задала вопрос. Удивительно, но на этот раз Сергей Денисович язвить не стал, напротив, в непроницаемом черном взоре даже промелькнуло что-то вроде сочувствия к вынужденной неадекватности, когда он ответил:

— При обретении способности открывать порталы в сознании и психике привратника что-то меняется. Необратимо. Необыкновенное и непривычное совершенно перестает пугать и шокировать. Скорее всего, так защищает себя талант. Не будь такого изменения, привратник сходил бы с ума в первые же сутки. Так думают ученые «Перекрестка».

— Вы еще и тестировали проводников, то есть привратников?

— Разумеется, Гелена Юрьевна. Минует небольшой период адаптации, тесты передадут и вам.

После нескольких почти ничего не значащих, по мнению куратора, вопросов явное неудовольствие и нетерпение на хищной физиономии Сергея Денисовича закончились закономерным предложением обдумать свое положение и составить

перечень интересующих аспектов работы. В следующую неизбежную встречу мистер Черный Плащ обещал закончить просветительскую работу. Кажется, я его сильно раздражала, или не только и не столько я, а вообще все то, чем он вынужден был заниматься в «Перекрестке». Но за каким лядом он тогда вообще там состоит? Или у него, как и у меня сейчас, нет выбора?

Озвучивать свои соображения я не стала — что толку пытаться вызвать на откровенность неприятного человека в первый день знакомства? Если только нужно, чтобы он тебя качественно послал на хутор за бабочками, тогда, конечно, это вариант. На прощанье куратор проинспектировал мою способность ткнуть три раза пальцем в одну сигнальную кнопку металлического браслета, замаскированного под часы. Затем вручил личную визитку на экстренный (последнее подчеркнул особо, не преминув язвительно справиться, известно ли мне значение сего иностранного слова) случай и удалился. Я закрыла дверь, потом вспомнила, что забыла спросить, когда присылать отчет о визитерах, распахнула створку, но за порогом уже никого не было, и звука шагов по лестнице тоже не раздавалось. Исчез! На черном прямоугольнике белыми буквами значилось: Ледников Сергей Денисович, куратор, цифры рабочего телефона, имейл LSD-perekrestok и стандартный хвост почтового ящика.

«ЛСД, значит», — хихикнула я, закрепляя за начальством кличку, и отправилась на кухню искать визитку Кольцова.

Та, как и предсказывал ЛСД, нашлась под тарелкой с колбасой. Я обозрела шалман на кухне, грязные кружки и кучу еды. Не сказать, что я в плюсе после откармливания дроу и набега гостей из «Перекрестка», но баш на баш выходит. Продуктов стало поменьше, зато теперь я являюсь обладательницей эксклюзивной зарры. Отравленный стилет и после ухода ЛСД висел без ножен на руке, но колоться и травить свою обладательницу не собирался.

Глава 3 ЗАРИСОВКА В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Я сгребала на тарелку нарезку, чтобы сунуть в холодильник, когда сотовый заиграл старую попсовую вещичку «Брат ты мне или не брат». Звонил, ясное дело, Стаська. Ни на кого другого такой рингтон ставить не имело смысла.

— Привет, братишка! — воскликнула я как можно бодрее, дабы не давать старшенькому повода для подозрений, чреватых немедленным (настолько немедленным, насколько позволяет скорость самолета) визитом в мою обитель и допросом с пристрастием.

— Привет, солнце, — басовито поздоровался Стас, даже из телефона его голос разносился по всей кухне, как из сабвуфферов музыкального центра. — Как ты?

— Офигительно, — честно ответила я, подумала и прибавила: — Крышесносно!

— Неужто моя сестричка наконец-то влюбилась? — оживился братец.

— Не-а, — хихикнула я и продолжила, решаясь на эксперимент, чтобы подтвердить или опровергнуть слова куратора: — Меня всего лишь долбанула в лобешник шаровая молния, и теперь я могу открывать двери в другие миры, из которых вот-вот начнут валом валить гости.

— Жаль, что не-а, — искренне огорчился Стаська, совершенно очевидно не расслышав ни слова из моей откровенной речи. Гипотеза о статусе секретности, выданная ЛСД, подтвердилась.

Женившись, записной Казанова Стас почему-то искренне уверовал в то, что полное счастье возможно лишь в семье с кучей детишек и борщом в большой кастрюле на плите. Думается, аукнулось «тяжелое детство» в нашем бедламе. Теперь при каждом удобном, а пуще того неудобном случае старшенький начинал рекламную кампанию прелестей семейного образа жизни.

— Зато ты и Вика усердно выполняете план по возрождению нации. Третьего с Кирой еще не ждете? — перевела я тему.

— Пока нет, с двоими бы совладать, — хохотнул Стаська и взялся рассказывать, как его малолетние школьники вчера раскрасили толстыми фломастерами дедушкиного мраморного дога. Теперь собачатина стала догом редкостной радужной породы, существующей в единственном экземпляре, и пугалась отражения в зеркале до жалобного воя.

Веселая болтовня с братишкой помогла. Я не только расслабилась, но и сама не заметила, как убралась в кухню. Да-да, я совсем не домовитый идеал из русских селений. Картофельное пюре и рыбный суп из консервированной горбуши — вершина моих кулинарных талантов. Предпочитаю питаться полуфаб-

рикатами, не требующими более серьезных манипуляций, не жели разогрев в микроволновке или поджарка на сковороде.

Когда в нашей трешке обитала большая семья, на конфорках все время чего-то кипело, шкварчало и тушилось, а в раковине перманентно громоздилась гора грязной посуды. Теперь кухня не то чтобы сияет чистотой, но выглядит вполне пристойно. Чисто не там, где убирают, а там, где не пачкают. Если живешь одна, с готовкой особенно не паришься, потому и после наводить порядок долго не надо.

Я собрала свежееобразованный мусор (воистину, его человечество плодить научилось в совершенстве!) в пакет, притащенный Степаньчем. Выброшу сразу, пока вонять не начало. Открыла дверь из кухни, и на меня навалилось что-то большое, тяжелое, темное и мокрое. Пакет выпал из рук, я же рефлекторно постаралась подхватить заваливающийся объект.

Мужчина в черном, длинноволосый, высокий, в раскромсанных и почти насквозь пропитанных темной влагой одеждах, фасон которых из-за обилия жидкости и порезов определению не поддавался. Влага была кровью, я в этом совершенно точно убедилась, когда ткнулась лицом куда-то в грудь гостя и машинально облизнула губы.

— Я умираю. — Голос, низкий и проникновенный, звучал обыденно. Не было слышно ни тоски, ни паники, ни сожалений. Лишь констатация факта.

— Не смей! Куда я труп дену? — тут же огрызнулась я, пытаюсь попятиться к дивану, чтобы опустить туда очередного гостя.

Ух какой тяжелый! Говорят, люди в бессознательном состоянии тяжелее бревна, тогда хорошо, что он не отключился, а то упали бы на пару прямиком на пол. А так удалось, пусть и с неимоверным трудом, дошкандыбать до дивана. Покрывало на нем, в розово-кремовый цветочек, еще теткино, меня давно втихую раздражало, да как-то все выкинуть руки не доходили, зато теперь отправлю в помойку с полным на то правом! Вкус у тетюшки временами хромал на обе ноги, зато практицизм калеккой не был. Поэтому под покрывалом к дивану была булаваками приколота клеенка, и все пролитое оставалось на покрывале, не марая поверхность диванных подушек и боковых валиков.

Я сгрузила очередной полуживой подарок из параллельного измерения и спросила большей частью риторически, собирая беспорядочные мысли в кучку:

— Как же тебя лечить? Платную «скорую» вызвать? Проблемы с полицией будут, к гадалке не ходи...

— Кровь, — выхаркал краткий и точный рецепт полудухлый гость.

— Ты вампир, что ли? — вяло уточнила я, подходя поближе к изголовью.

В затененной кухне (жалюзи я так и не подняла после отбоя дню) отчетливо просверкнули красными угольками глаза умирающего.

— Да-а-кха, — прохрипел тот.

— Извини. Судя по тому, сколько ты потерял крови, для восполнения электролитического баланса тебе надо досуха кого-нибудь выпить. У меня на примете нет ни одного заслуживающего казни преступника в пределах транспортной доступности. А сама я еще жить хочу и больше стандартной дозы донора дать не в состоянии. Помру, так в нашем мире насовсем застрянешь. Есть предложения?

— Вино, красное, кровь туда, раны закрыть хватит. — Этот подышающий, пропитавший все покрывало своей кровью тип нашел силы не только услышать сказанное, но и дать четкую инструкцию к исполнению.

— Вино есть, — согласилась я, прогулялась до кухонного бара и достала бутылку столового красного. Не ах, конечно, но пить можно. Того, что вампир бросится на меня со спины и перегрызет горло, я не боялась. Не то чтобы верила, скорее, совершенно четко знала: у него нет ни таких намерений, ни возможности. Гость из-за двери действительно готовился отбросить копыта.

Штопор — орудие мужчин, но в институте у нас на группу по списку приходилось всего три мальчика, два из которых только числились и являлись к экзаменам, а третий был гимном дистрофии, потому к пятому курсу открывать бутылки насобачились все девчата. Да что вино, мы даже шампанское без стрельбы по живым мишеням вскрывали! Дома у тетки агрегат хороший, с ним бы и Витька-дистрофик совладал. С пробкой я справилась за полторы минуты. Нашарила здоровенный, на полтора литра, пивной бокал — наследство одного из тетушкиных супругов. Выбросила из него коллекцию пыльных пробок и сполоснула под струей воды.

Остановившись у дивана с бутылкой и тарой наперевес, спросила дальнейших инструкций:

— Эй, граф Дракула, сколько лить в граммах?

Прикрытые длинными ресницами (почему у мужика-то такие выросли, любая девица обзавидуется!) красные очи снова полыхнули, и почти покойничек проскрипел:

— Все.

— О'кей, проще мерить.

Я поставила бокал на край стола и перевернула бутылку. Вина жаль не было, мне больше по вкусу сухое. А вот кровь... Нет, вида я ее совершенно не боюсь — если ты уже девушка, пугаться красных пятен как-то глупо. Но запросто расхватить себе руку, чтобы нацедить лекарство для подыхающего вампира? Блин! Где резать так, чтобы вылилось достаточно и зажило побыстрее? Я самострелом отродясь не занималась. Блин, блин, блин! А чем резать? Самые острые предметы в доме — хлебный волнистый нож-пила и тесак для сырого мяса. Последним как-то себе палец чуть ли не до кости расхватила, когда курицу кромсала, и рассчитать глубину необходимого для сщезивания крови пореза точно не смогу. Меня этому не учили. Может, дровский подарок обновить? Так ведь он с ядом. А ну как траванусь вопреки уверениям ЛСД? Обидно будет!

— Дай руку, — прохрипел вампир, и я почему-то подчинилась.

Подала конечность без всякой опаски. Не покорно, как теленок на заклатие, скорее с любопытством. Почему-то была уверена, что этот полуживой представитель темных народов мне зла не причинит и ничего отгрызать не собирается. Наивной вампироманкой я сроду не была и от клыкастых иродов восторженно не пищала. Культовые «Сумерки» когда-то давно пролистнула, смотреть вовсе не смогла, первые книги гамилтоновской серии читала, но не более того. Ни о каких сладострастных мечтах об острых клыках, вонзающихся в шею, речи не шло. (Мне вообще-то больше всего из многочисленных описанных в книгах видов фэнтезийных рас нравились орки и гоблины. Забавные!) Однако ж этому распластанному на диване мужику я поверила безоговорочно.

Вампир чиркнул по моей ладони кончиком ногтя. Края кожи разошлись и окрасились алым, а потом и густо-красным. Я сжала руку над пивным бокалом. Тонкая струйка потекла вниз. На всякий случай решила присесть поудобнее, чтоб голова не закружилась, как рекомендуют врачи, когда кровь из вены берут. У меня, конечно, никогда от таких процедур слабости в ногах и обмороков не наблюдалось, но вдруг сейчас что-то подобное приключится. Будет ужасно обидно пролить

лекарство для второго по счету иномирного гостя. Пока цедила, отметила странность: порез не болел, как болит обычная резанная ножом рана. Так, чувствовался и чуток потягивал, не более того. Живот при месячных ноет куда как сильнее.

— Хватит, — тяжело, на выдохе, скомандовал вампир, внимательно отслеживающий весь процесс донорства. — Руку!

Он поднес ладонь к губам и прошелся языком по ране, заливая. Рану отчаянно защипало, словно я мазанула ее тампоном с йодом. Когда вампир отпустил, никакого пореза уже не было. Края сомкнулись, оставляя тонкую, нежно-розовую полосочку шрама.

Кажется, реабилитационные процедуры отняли у мужчины значительную часть оставшихся сил. Поить тяжелораненого коктейлем «Кровавая Гелена» мне пришлось лично, присев на край дивана, аккуратно придерживая голову и бокал у бледных губ. Осушив полуторалитровую емкость до дна, вампир прикрыл глаза и проинформировал:

— Раны закрылись. Теперь мне нужна очень горячая вода.

— Пить или ванна? — уточнила я, чтобы знать, куда бросаться: кипятить чайник или открывать кран.

— Второе.

— Хорошо. Сэкономим электроэнергию.

Счетчики на воду у меня, конечно, стоят, но горячая ванна всяко обойдется дешевле заготовки крутого кипятка. Электрический чайник наматывает почти киловатт, поэтому для себя я обычно подогреваю бокал в микроволновке. Двадцать секунд, и приятного чаепития.

Я поднялась с дивана и уверенно зашагала из кухни. Меня даже не пошатывало после донорства. А ведь сцедила я на благотворительные цели около стакана, может, вампирская слюна еще и какой-нибудь тоник содержит, кроме коагулянта и ранозаживителя? В любом случае надо чего-нибудь мясного попозже сгношить и гранатового сока купить.

Воду в ванну я пустила, отвернув кран в сторону горячей до упора, самую руку сунуть было больно, но коль клиент просит, пусть варится живьем. Молодцем-красавцем, как у Ершова, вряд ли обернется, но если оклемается, и то хлеб. Вот только... Я прикинула примерную технологию помывки окровавленных вампиров и полезла под ванну за большой клеенкой. Обычно расстилала ее на полу, когда красила волосы, чтобы не пачкать кафель, теперь хоть тут от необходимости отмывать пол от крови перестраховюсь. Желтенький ламинат в кровавых разводах на

кухне еще ждал своего уборочного часа! К той поре, как я расправила бывшую скатерку в крупные ромашки, вода заполнила треть ванны и была мощной, тугой струей. Вечером бы такой напор был, когда голову мыть надо, а не в середине дня!

— Ванна готова. Вопрос: что с одеждой делать? Эти лоскуты, держащиеся на честном слове, проще срезать, чем снять, — доложила я возлежащему на диванчике вампиру. Диван из кремового под ним и вокруг уже стал стойко киноварным. Точно придется выбрасывать покрывало! Отстирывать такое даже в машине неохота.

— Режь, — едва заметно пошевелившись, решил раненый, адекватно оценивая новшества в дизайне костюма, привнесенные теми, кто усердно пытался нашинковать ткань заодно с носителем.

Я прикинула, насколько плотной казалась на ощупь одежда вампира (джинса отдыхает), и полезла за заррой. Как раз испробую подарочек. Все лучше, чем кромсать портняжными ножницами до кровавых мозолей. Вроде бы травить зарра, если верить инструкции от сварливого куратора, без воли хозяйки не должна. Первым делом, борясь с неловким ощущением, что обираю полумертвого, как какая-нибудь мародерша, сняла с «жертвы» побрякушки, чтоб не мешали процессу, и схватилась за дровский «ножик».

Маленькое лезвие, доказывая, что размер отнюдь не всегда имеет решающее значение, добросовестно прошло по ткани, полосую ее, как папиросную бумагу. Рубашка опала лепестками, обнажая безволосую грудь в багровых шрамах, затем пришел черед штанов. Они сдались так же безропотно. У вампира волос не нашлось ни на ногах, ни выше, а еще гм... Нижнего белья под штанами не нашлось тоже. Интересно, это принципиальная позиция частичного нудиста или у него брюки с бельем плохо сидят? Я девушка современная, пусть практического опыта интимного общения с лицами противоположного пола и не имела, но как что должно выглядеть, вполне себе представляла. Да и Всемирная сеть настолько перенасыщена визуальной информацией подобного рода, выскакивающей при обращении практически по любому запросу... Мечтаешь ли ты найти фото старинных письменных принадлежностей или узнать, как отодрать расплавленную резиновую соску со стола, — хочешь не хочешь, поневоле просветишься.

В общем, мой гость евнухом далеко не был. Богатое оснащение в рубке не пострадало. Я сделала вид, что все в порядке.

Ну голый мужик и голый мужик, чего панику поднимать? Ведь в первую очередь он больной, а половая принадлежность — это уже второстепенно, и закончила художественную кройку. Всего за пару-тройку минут, а может, и меньше, мой гость возлежал на диване в том виде, в каком явился на свет, не считая обуви. Бледная кожа вампира была похожа на полотно абстракциониста, расписавшего его причудливыми штрихами шрамов и потеками засохшей и еще не успевшей потемнеть крови — все, что осталось от чудовищных ран.

Вздыхнув, я принялась за высокие черные сапоги. Фасон ботфорт обожаю, но на собственном опыте знаю, как тяжело стащить такой с ноги, если дизайном не предусмотрена молния, а подъем высокий. Вампир ничего не просил, но напряжение мускулов при едва заживших ранах — лучший способ повернуть процесс выздоровления вспять. И что, опять его коктейлем поить? Красное вино дома еще есть, но на второй акт донорства я не способна в принципе, потому с сапогами гостю тоже пришлось распрощаться.

Обувь из очень прочной кожи сдалась моим усилиям минут через пять, обнажая ступни с длинными пальцами. Нет, зарезала классно, просто я опасалась вместе с сапогом откромсать кусочек пациента, потому осторожничала. У вампира оказались красивыми не только руки. Когда-то слышала, что именно пальцы на ногах являются критерием аристократизма. Если судить с этой колокольни, то мой «граф Дракула» точно был из о-о-очень знатного рода.

— Все, теперь подъем и в ванну! — Настала моя очередь отереть трудовой пот со лба и покомандовать.

До ванной гость, тяжело опираясь на мое плечо, как на подставку, доковылял почти самостоятельно и осторожно погрузился в воду, мигом окрасившуюся в густо-коричневый.

Вампир согнул ноги в коленях с таким расчетом, чтобы оставаться в воде целиком, откинул голову на край и с удовлетворенным вздохом прикрыл глаза. Крутой кипятик для него явно был тем, что доктор прописал. Воду я перекрывать не стала, только уменьшила напор, давая возможность лишней воде утекать через стуж и не остывать.

Взгляд задержался на прическе раненого гостя. Длинные черные волосы настолько пропитались кровью, слиплись и растрепались, что походили на гнездо ворона-вампира. Я сняла с полочки шампунь и посоветовала:

— Голову помой.

Лицо вампира скривилось в усталой гримасе. Похоже, мой визави не придавал особого значения своей внешности, и необходимость тратить драгоценные силы на бесполезное занятие его изрядно раздражала. Как раз напротив, чуть левее ванны, у меня висело зеркало, и под ним, на зеркальной полочке, имелась кучка всякой всячины, включающая в себя не только кремы, дезодоранты, лосьоны, стаканчик для зубной щетки, но и ножницы. То, как многообещающе уставился на режущий предмет пациент, меня крайне огорчило.

— Ладно, давай помогу, — поспешно предложила я.

Смотреть на то, как безалаберно кто-то, будь он хоть трижды вампир, относится к такой роскошной гриве, было невыносимо. Когда я была маленькой, то имела обыкновение рисовать картинки к каждой прочитанной книжке. Всех героев мужского пола, не только романтических, а даже негодяев, в воображении запойной читательницы Гелечки отличали шикарные длинные волосы разнообразных оттенков. Короткие мужские стрижки, привычные на Земле, меня крайне угнетали. Да, я романтичная дура, в отрочестве частенько мечтала о том, как буду гладить или причесывать волосы своего рыцаря. Надежды развеялись, а вот тяга к длинным волосам осталась.

Мое предложение было с неохотой принято. Наверное, только из-за того, что стричься раненый ленился ничуть не меньше, чем мыться.

Волосы вампира пришлось промывать трижды. Одно время я сама носила длинную, пониже лопаток, косу, пока не пришла к выводу: если качество волос настолько сильно уступает их длине, лучше не позориться и сделать модную прическу, маскирующую дефицит растительности. Это я к тому, что прикидывала, насколько обременительно ухаживать за такой копной, как у недобитого гостя из-за грани, поэтому и мыла максимально бережно, стараясь не дергать за волосинки. Попутно пришлось осторожно выпутывать из них кусочки чего-то непонятного, о чьем происхождении лучше вообще было не думать, и сгустки крови. Под конец водных процедур мне послышалось, что вампир мурлыкает большим котом на батарее. Впрочем, на чеканно-равнодушной физиономии ничего не отразилось. Зато по окончании процедуры мокрые пряди черной гривы поскрипывали от чистоты и блестели под лампой.

Я, предварительно спросив, не повредит ли это процессу выздоровления, спустила превратившуюся в коричневую бурду воду и позволила ванне снова наполниться относительно

чистой, обжигающе горячей влагой. Показалось или нет, но все-таки толщина и интенсивность окраски шрамов гостя сильно уменьшились за время банных процедур. Вампир явно знал, что делал, требуя горячую воду. Своей уверенностью и способностью контролировать ситуацию он совсем не походил на беспомощного и растерянного, при всей внешней крутости, дроу.

— Все, — оповестила я клиента, разогнула подуставшую спину и вытерла полотенцем руки. Халат после санитарной обработки и первого падения на меня окровавленного вампира был грязен настолько, что я засомневалась, спасет ли его стирка или шмотку придется выкинуть так же, как диванное покрывало. Жадность вкупе с ностальгией победила. Все-таки любимый шелковый халатик, подарок сестры. Решила прогнать вещь в щадящем режиме троекратного цикла стирки и понадеяться на лучшее.

Гость блаженствовал в ванне и вылезать оттуда не собирался, значит, время на очередную уборку перед очередным разговором у меня в запасе имелось.

— Полотенца сейчас принесу, а халата под твои габариты, извини, не найдется, — честно предупредила я клиента, дождалась согласного движения веками и убралась из жаркой ванной, мокрая как мышь из котла с кипятком.

Сняла кровавое покрывало с дивана, засунула его в черный мешок для мусора, замыла пол и клеенку-подстилку влажными салфетками и спрятала их туда же. По-хорошему, следовало бы все это сжечь, но я понадеялась, что никакому безумцу не придет в голову копаться в чужом мусоре и бить тревогу по поводу странного содержимого мешка. Может, у меня хобби такое — разделять по выходным свиные туши прямо на диванах? Маленькое такое и невинное увлечение. Ага?

Наведя на кухне относительный порядок, я сменила грязный халатик на другой вариант домашней одежды — укороченные штанишки и блузку, — забросила на крючок у ванны полотенца и отправилась в гостиную к компьютеру. Визитка с координатами ЛСД валялась на клавиатуре, а любопытство настойчиво требовало разобраться с электронной почтой «Перекрестка» и обещанной анкетой. Я настроила экстренный однокнопочный вызов на мобилке и сосредоточилась на визитке Ледникова.

В ответ на запрос с выданным ключевым словом, отправленный по имейл, пришла анкета, которую, как следовало из

инструкции куратора, следовало заполнять на каждого из посетителей. Вчитываясь в открытую страницу, я не удержалась от хихиканья. Начало анкеты весьма напоминало какой-нибудь тест из фэнтезийного генератора персонажа компьютерной игрушки. Раса, пол, предполагаемый возраст, внешность, имя, легенда, то есть обстоятельства появления героя, и так далее и тому подобное.

Я быстренько застучала по клавишам, руководствуясь принципом: раньше сядешь — раньше выйдешь. Если уж Сергей Денисович столько нудил о необходимости заполнения этого безобразия, пусть получит и возрадуется. Второго на день визита этого язвительного типа с рекламацией касательно пренебрежения служебными обязанностями мне совершенно не хотелось. Может, это и в самом деле для кого-то важно? Хотя работать на голом энтузиазме в наш коммерческий век — явный моветон. С другой стороны, врученная дроу в подарок зарра, на мой непрофессиональный взгляд, стоит куда больше, чем все, что я потратила на продукты для прокорма беглеца из подземелий. Плюс ко всему мне, что греха таить, было чертовски интересно все происходящее. Страх молния убила начисто, а вот личное любопытство, кажется, даже преумножила. Меня и так-то кошкой папка дразнил за энтузиазм, с которым я набрасывалась на все интригующее и необычное.

Папка мой сам в свои шестьдесят с хвостиком во многом оставался сущим ребенком. Таким, что мы, дети, относились к нему больше покровительственно и воспринимали, скорее, как еще одного брата, нежели главу семейства. А мама периодически устраивала разбор полетов за очередную авантюру вроде приобретения роликов или участия в игре по Толкиену в роли хоббита Бильбо. Кстати, хоббит из папки получился очень подходящий, можно сказать, стопроцентный. Невысокого росточка, плотный, с глазами записного приключенца на вполне простецкой физиономии. Шерсть на ногах и тоненькая подушечка на живот были единственным искусственным компонентом, добавленным папке для полноты вхождения в образ.

Ему, наверное, мое приключение могло ужасно понравиться. Я искренне жалела, что ничего нельзя рассказать. В голову прокралась идея: а что, если фотографировать гостей? Получится ли распечатать фотографии или их тоже буду видеть лишь я и причастные к «Перекрестку» личности? Хотелось проверить прямо сейчас, но мчаться в ванную с фотоаппара-

том и шелкать обнаженного вампира на стадии выздоровления я не стала. Даже если снимки получатся, куда я их дену? На компьютер не поставишь, в ателье не отдашь, а человек... то есть вампир на такую бесцеремонность и обидеться может.

Первая анкета про изгнанника-дроу по имени Нейр была благополучно заполнена и отправлена в «обратный зад». Так дивно выражалась одна моя коллега, возвращая взятые для составления отчета документы на общую полку в шкафу. Я принялась за вторую. Все равно заполнять потом, так пока есть минутка, пробую начало. Расу, внешность и обстоятельства появления гостя уже можно внести.

Диван у окна, где я любила валяться и читать книжки, едва слышно скрипнул. Я подняла голову от клавиатуры. Там, небрежно положив одну руку на спинку, вальяжно восседал мой гость. Судя по всему, полотенцем для того, чтобы обтереть кожу после ванны, он воспользовался, но только для этого. Сооружением из ткани какого-либо подобия одежды мужчина не озаботился ни в малейшей степени. Так и сидел в стиле ню, сухой, не считая влажной копны волос, на диване. Шрамы на коже побелели и почти исчезли. Глаза тоже прекратили отливать красным, приобретя красивый насыщенно-голубой, как роспись гжели, цвет. Наверное, кровавый отлив был индикатором плохого состояния и теперь отключился! Вот зашибенная регенерация, если бы не жидкая специфичная диета, я бы тоже захотела быть вампиром.

— Фен достать? — Я машинально защелкала клавишами, добавляя вторую анкету в черновики для отправки. Потом проще ориентироваться будет.

Царственный кивок поощрил к дальнейшим действиям, выяснять, что я подразумеваю под своим предложением, вампир не стал, значит, название прибора знал. Фыркнув, ну какой надменный, я сходила в спальню и извлекла агрегат с полки комода. Сильно сомневаясь в навыках вампира в обращении с феном, включила в розетку и занялась просушкой роскошной гривы. Массажная запасная щетка в шкафу тоже отыскалась. Так что следующий десяток минут был посвящен неторопливой просушке шевелюры цвета полночи.

— Тебе нравятся мои волосы? — задумчиво уточнил вампир, спокойно повинувшись указаниям по поворотам влево, вправо и так далее.

— Угум, — спокойно согласилась я, погладив очередную подсушенную прядку. — Роскошная грива.

— Я не чувствую твоего возбуждения, — с легким привкусом удивления отметил собеседник.

— С тобой спокойно, — ляпнула я, почему-то не думая, что могу оскорбить гостя.

Мне действительно было до странности безмятежно спокойно в обществе почти незнакомого голого мужчины. С ним, вот забавная нелепость, я чувствовала себя защищенной, как с братом Стаськой, или даже сильнее. Своими забавными ощущениями я и поделилась с вампиром.

— Япил твою кровь, но ты не пила моей, такого эффекта без уз не должно было образоваться... — озадачился, причем всерьез, вампир.

— А много нужно крови? — полюбопытствовала я.

— Достаточно капли, — пожал плечами гость.

— Ты, когда на меня падал, перемазал в крови всю, и губы тоже, я их облизнула, — отметила я. — Может, как раз твоя капля тогда и попала.

— Не исключено, — согласился вампир и... и улыбнулся гораздо более теплой, вполне доброжелательной улыбкой и представился: — Я Конрад.

— Геля. Выходит, мы теперь почти родственники?

— Не почти, — провел пальцем по переносице вампир. — Узы отцовства крови весьма своенравны и редки. Кровь высшего вампира сама решает, кого и в какой степени принять или отвергнуть в окончательной смерти.

— Выходит, — я вырубил фен, в последний раз обдав прическу Конрада волной теплого воздуха, — могла помереть?

— Да, — не стал лукавить мужчина. Он вообще говорил очень четко и по существу, так же как ЛСД, только не ухитрялся оскорблять собеседника на каждом шагу. — Но кровь решила иначе. Теперь по нашим законам ты — моя родственница, почти дочь.

— Зашибись! — восхитилась я. — Как обзаводятся детьми, я знаю, но чтобы при одном живом родителе завести второго без помощи мамы — это нонсенс! С другой стороны, со вчерашнего дня у меня вообще все кувыркком идет, так что нечего и удивляться. Привет, папаня!

Вампир ответил неожиданно озорной полуулыбкой и царственным наклоном головы. Красив, черт, но в нудистов играть все-таки не лучший выход. Где же на его фигуру одежду раздобыть? Заказать в интернет-магазине недолго. Заначку, правда, придется растряссти. Ай, ладно, для такого красавчика

не жаль. Только вот все равно не раньше завтрашнего дня пакет придет, а если ему уже вечером или через час-другой уходить нужно? Вопросы долбили в голову, как стая чокнутых дятлов. Я пальцами обеих рук впилась в волосы и ожесточенно почесалась. Дятлы чуть поутихли и выстроились в очередь. С дивана подсказкой упала книжка. Точно!

— Можешь прочесть? — Я ткнула фэнтезиюшку Пратчетта под нос Конрада.

— «Когда они приблизились к укрытию, послышался птичий свист. Птичка, с точки зрения Полли, называлась «очень неумелый подражатель», — зачитал вампир и с некоторым сарказмом отметил: — Я грамотен.

— Базара нет, фишка в том, что ты грамотен и в моем мире, а это значит...

Я коротко поведала вампиру о дверях между мирами, «Перекрестке» и о том, что он фактически является вторым моим клиентом, и, если верить словам ЛСД, клиентом невыездым.

— Кровь решает сама, — повторил вампир, прислушиваясь к внутренним ощущениям, и, снова поделившись со мной лукавой полуулыбкой, уточнил расклад: — Она воспринимает тебя как дочь-сестру.

— Значит, ты не отец, а отец-брат? — развеселилась я занятой степени родства, которой точно ни у кого из знакомых не было, даже читать о таком в фантастических книжках не доводилось.

Конрад слегка наклонил голову, подтверждая. И раздумчиво заметил:

— Возможно, именно эти узы привязали меня к твоему миру.

— Упс. — Резко нахлынуло чувство вины, смывая оптимистичный настрой. — Извини, я не нарочно. Но, может быть, все-таки дверь куда-то в другой мир откроется для тебя. Я попробую.

— Я тебе уже надоел? — высокомерно, впрочем, я чувствовала, что это больше шутка, чем реальная обида, выгнул бровь Конрад.

— Нет, конечно, с тобой здорово, только... такой мир разве тебя устраивает? Тут практически нет магии, и вампиров тоже нет. Во всяком случае, я про них ничего не знаю.

— Быть единственным — великолепно, — отметил мужчина и, повнимательнее присмотревшись ко мне, погладил по голове. — Не переживай, девочка. Твоя странная магия спасла мне

жизнь, когда я полагал путь завершённым. О, разумеется, я был бы не против лично расправиться с уцелевшими врагами, — Конрад оскалил острые клыки в совершенно волчьей усмешке, — но не настолько жажду кровавой мести, чтобы пренебречь новыми возможностями и новой загадкой. Когда живешь слишком долго, нити привязанностей слабеют, зато развивается любопытство. Новые впечатления и тайны составляют главное удовольствие. Прежде мне доводилось посещать другие миры, и я всегда был волен покинуть их по первому побуждению, но не теперь. Я не чувствую врат и не могу создать портала, почти не ощущаю магии мира. Очень странное впечатление.

— А что с тобой случилось? — Вопрос я задавала, не слишком рассчитывая на подробный ответ, однако слишком хотелось разузнать о папе-брате хоть что-нибудь, чтобы банально замалчивать тему.

— В мои земли вторглись враги, много, — почти безразлично, в пику недавней агрессии пояснил Конрад: кажется, считая дело закрытым, он совершенно прекратил из-за него волноваться. — Слишком большая армия, чтобы сражаться войском против войска. Даже в случае победы от цветущего края осталась бы лишь выжженная пустошь и горы трупов. Я нашел выход в древнем пергаменте из заброшенной библиотеки. Семя высшего вампира не дает плода, наследника всегда выбирает кровь. Для проведения забытого ритуала жертвы кровавого наследия, способного породить преемника и защитить владения, требовалось много недобровольных жертв.

— Знаешь, мне даже представить страшно, сколько это «много» для вампира.

— Около трех сотен, — проронил рассказчик. — Мы ценим жизнь людей, пусть и иначе, чем сами люди. Когда тебя в состоянии напиться на несколько дней всего один глоток крови, к убийству ради денег, славы или иного пустяка начинаешь относиться как к бездарной глупости. Увы, иного, более выгодного решения мне отыскать не удалось. Я провел ритуал и ночью в одиночку напал на ставку врага. Разве те, кто пришли с мечами, могли рассчитывать, что владыка Конрад Карситский покорно подставит грудь под серебряный клинок?

— Кто с мечом к нам придет, от клыка огреbet, — прокомментировала я последний риторический вопрос и уточнила невпопад, только из-за того, что стало ужасно интересно: — А в летучую мышшь и туман ты обращаешься?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог. Жизнь кувырко</i>	5
<i>Глава 1. Гость из ниоткуда</i>	9
<i>Глава 2. Истина где-то рядом</i>	15
<i>Глава 3. Зарисовка в багровых тонах</i>	27
<i>Глава 4. Мужские разборки</i>	42
<i>Глава 5. Проблемы любовные и хвостатые</i>	53
<i>Глава 6. Ох, Леха, Леха и другие охи, ахи, хохмы, страхи</i>	68
<i>Глава 7. О жизни, вкусной еде и иных ценностях</i>	84
<i>Глава 8. Проблемы хамоватые и рогатые</i>	97
<i>Глава 9. Чудеса флоры</i>	109
<i>Глава 10. Дом для минотавра, судьба для кайста</i>	123
<i>Глава 11. Дело было вечером... А поутру они проснулись</i>	136
<i>Глава 12. Что такое лич и как с ним бороться</i>	153
<i>Глава 13. Сладкая смерть</i>	167
<i>Глава 14. Демонстрация</i>	180
<i>Глава 15. Новые данные, новые данности</i>	194
<i>Глава 16. Сладкий парень</i>	208
<i>Глава 17. Курс на сближение</i>	223
<i>Глава 18. Чудовище с зелеными глазами</i>	237
<i>Глава 19. Черные и белые, или Теория относительности подвига</i>	251
<i>Глава 20. Одна птичка напела...</i>	267
<i>Глава 21. Не опять, а снова</i>	281
<i>Глава 22. Ночной визит</i>	295
<i>Глава 23. Дорогой легенд</i>	308
<i>Глава 24. Белая мука</i>	322
<i>Глава 25. Допрос с пристрастием и другие развлечения</i>	337
<i>Глава 26. Золотой гость и восставшая Зоя</i>	351
<i>Глава 27. Так будет лучше</i>	365
<i>Глава 28. Падения и взлеты</i>	380
<i>Глава 29. Что было, что будет</i>	393
<i>Эпилог</i>	407